

Сицзэ вышел из машины первым, а затем протянул руку Шэнь Юаню.

Шэнь Юань вложил ладонь в его руку, и мужчина уверенно помог ему выбраться наружу.

Вилла изнутри оказалась гораздо больше, чем снаружи. Миновав вестибюль, путники вошли в длинный коридор, в конце которого виднелись двустворчатые двери. Стоило распахнуть их, как перед глазами предстал просторный выставочный зал. Высокий потолок был усеян точечными светильниками теплого спектра, стены сплошь покрывали полотна, а пол застилал темный ковер, на котором шаги звучали совершенно беззвучно.

Гостей уже собралось немало: они небольшими группами стояли перед картинами и тихо беседовали. Мужчины были облачены в сшитые на заказ костюмы, дамы — в элегантные вечерние платья, в руках у всех покачивались бокалы с шампанским, а манеры отличались безупречным изяществом.

Стоило Шэнь Юаню переступить порог, как он тотчас ощутил привычное чувство чужеродности. Опустив взгляд на собственную белую рубашку и кеды, а затем окинув взором сиявших драгоценностями людей вокруг, он инстинктивно прижался ближе к Сицзэ.

Сицзэ почувствовал это, опустил глаза, бросил на него короткий взгляд и ничего не сказал, лишь плавно перехватил его руку с ладони на запястье, слегка сжав пальцы.

Шэнь Юань поднял на него взгляд: лицо Сицзэ сохраняло полное спокойствие, но от его руки исходило ровное, надежное тепло.

Не обращай внимания на остальных, — голос Сицзэ прозвучал тихо, так, что услышать его мог только Шэнь Юань. — Смотри картины.

Шэнь Юань кивнул, глубоко вздохнул, отвел взгляд от чужих глаз и переключил внимание на полотна, висевшие на стенах.

Это была небольшая выставка современного искусства, в которой участвовало около семи-восьми художников, причем каждый придерживался собственного неповторимого стиля. Здесь были представлены работы в духе абстрактного экспрессионизма, сюрреализма, а также творения нескольких мастеров реалистической школы.

Шэнь Юань вчитывался в каждую картину со всей серьезностью. Будучи художником, он пришел на выставку не ради светских бесед — он искренне изучал технику, композицию и колорит. Он подолгу замирал перед тем или иным полотном, склонив голову набок и вглядываясь в направление мазков, либо приближался вплотную, чтобы оценить толщину красочного слоя.

Сицзэ неспешно следовал за ним по пятам. Пока Шэнь Юань разглядывал картины, Сицзэ

разглядывал его.

В то время как юноша стоял перед полотнами, он выглядел невероятно притягательно. Чуть наклоненная голова, слегка приподнятый подбородок, сияющие глаза, мягко сжатые губы; порой он вытягивал палец и в воздухе повторял контуры линий, а затем кивал, мотал головой или что-то негромко бормотал себе под нос.

Сицзэ казалось, что этот парень прекраснее любой картины на стене.

— Мистер, — Шэнь Юань неожиданно обернулся, и его глаза ярко блестели. — Как потрясающе подобраны цвета на вон той картине! Посмотри на этот синий: казалось бы, холодный тон, но здесь от него веет таким теплом. Как у него это получилось?

Сицзэ бросил беглый взгляд на указанное полотно, затем снова посмотрел на оживленное лицо Шэнь Юаня, и уголки его губ дрогнули:

— Я ничего не смыслю в живописи.

— Раз ты не разбираешься в искусстве, зачем привел меня на выставку?

— Я не разбираюсь в живописи, — глядя ему прямо в глаза, тихо произнес Сицзэ. — Но я разбираюсь в тебе.

Шэнь Юань замер на секунду, а затем его лицо вспыхнуло до самых корней волос. Он тут же отвернулся, делая вид, что увлечен изучением следующей картины, хотя сердце колотилось в груди, словно барабан.

Что за манера у этого человека?

Разговариваешь — так разговаривай, зачем говорить такие вещи, от которых просто теряешь дар речи.

Шэнь Юань бродил по выставочному залу минут двадцать, обозрев большую часть экспозиции. Он заметил, что, несмотря на безупречное качество представленных работ, их стиль тяготел к зрелости и солидности, а общая гамма преобладала темными тонами — именно такой выбор, пожалуй, пришелся бы по вкусу присутствующим здесь британским старожилам-аристократам.

В них чуть-чуть не хватало молодости, свежести и жизни.

Стоило ему подумать об этом, как Сицзэ подошел сбоку и легко коснулся его локтя.

— Пойдем.

Сицзэ провел его через весь зал и свернул в небольшую боковую нишу. Помещение оказалось невеликим, но залитым ярким светом: на фоне белых стен отсутствовали любые излишества, и все внимание было приковано к единственной стене впереди.

Шэнь Юань вошел внутрь и поднял голову.

И тут же замер.

На той стене висело всего четыре полотна: два покрупнее и два поменьше. Краски на них пылали яркостью и свежестью, создавая резкий контраст с сумрачной сдержанностью внешних залов.

Манеру письма он узнал мгновенно.

Эти линии, эти переливы цветов, этот композиционный строй.

Это были его собственные картины.

Шэнь Юань широко распахнул глаза, сделал два шага вперед и вплотную приблизился к стене. Ошибки быть не могло — это действительно его работы. Две крупные картины он закончил в мастерской в прошлом месяце, они были написаны акрилом и изображали лондонский дождливый день, причем мрачная погода передавалась через удивительно светлые, жизнерадостные оттенки. Две маленькие работы представляли собой легкие зарисовки, сделанные между делом: на одной красовался вечер на Темзе, на другой — красная телефонная будка на углу улицы.

Они были заключены в изящные рамы и красовались на самом видном месте, а направленные лучи софитов высвечивали каждый штрих и каждый мазок с абсолютной четкостью.

Шэнь Юань повернул голову и посмотрел на Сицзэ.

Мужчина стоял позади него, и его выражение лица ничем не отличалось от обычного — всё то же сдержанное, невозмутимое спокойствие. Но в его глазах мерцал особенный свет: в нем не было ни холода, ни отчужденности, лишь гордость.

Та самая невозможно скрыть, идущая из самых глубин души гордость.

Эти картины... — голос Шэнь Юаня слегка дрожал. — Как они здесь оказались?

— Я велел забрать их из твоей мастерской, — ответил Сицзэ так буднично, словно говорил: я велел купить чашку кофе. — Куратору выставки они очень понравились, вот он их и повесил.

Шэнь Юань приоткрыл рот:

— Но почему ты не предупредил меня заранее?

— Если бы я предупредил, это перестал бы быть сюрпризом.

Шэнь Юань смотрел на Сицзэ, на этот серьезный и твердый блеск в его серо-голубых глазах, и чувствовал, как грудь переполняет нечто такое, от чего она грозила разорваться.

В этот момент в нишу кто-то вошел.

Это была женщина средних лет в темно-зеленом платье, судя по всему, куратор или организатор выставки. Увидев Сицзэ, она с улыбкой направилась к нему:

— Мистер Лестер, гости просто в восторге от привезенных вами работ. Особенно от того лондонского пейзажа под дождем: какое смелое обращение с цветом, и при этом какая мягкость.

Сицзэ чуть кивнул, его голос звучал негромко, но каждое слово было отчетливым:

— Это работы одного моего очень близкого друга. Он очень молод, но одарен, и я считаю, что их должно увидеть как можно больше людей.

Женщина перевела взгляд на Шэнь Юаня, словно догадавшись о чем-то, и с улыбкой протянула руку:

— Ах, так это вы. Прекрасные картины, с нетерпением буду ждать ваших новых творений.

Польщенный Шэнь Юань в растерянности протянул руку и пожал ее ладонь, чувствуя, как щеки снова заливает краска.

Стоило ей удалиться, как в нишу заглянули еще несколько человек. Завидев картины на стене, они неизменно останавливались на пару секунд, а затем интересовались у спутников, чьих это рук дело. Сицзэ каждый раз отвечал коротко, но Шэнь Юань заметил, что при каждом ответе уголки его губ едва заметно приподнимались.

Это была самая искренняя, неукротимая гордость.

Куда большая, чем при подписании многомиллионного контракта за столом переговоров.

Шэнь Юань стоял в стороне, наблюдая, как Сицзэ представляет его живопись облаченным в вечерние туалеты и бриллианты мужчинам и женщинам, любуясь его прямой спиной и неизменно безупречными манерами, и вдруг почувствовал, как защипало в носу.

Этот человек повесил его картины на самое видное место на выставке.

Этот человек во всеуслышание заявил перед всеми: это работы моего очень близкого друга.

Этот человек никогда в жизни не хвалил его творения в лицо, но вместо этого вот так оповестил весь мир: я считаю, что он невероятно талантлив.

Шэнь Юань опустил голову и торопливо провел тыльной стороной ладони по глазам.

— Что случилось? — Сицзэ неизвестно когда оказался рядом.

— Ничего, — Шэнь Юань шмыгнул носом, поднял на него покрасневшие глаза и светло улыбнулся. — Просто... почему вы так добры ко мне, мистер Сицзэ?

Сицзэ посмотрел на его покрасневшиеся глаза и изогнутые в улыбке губы, помолчав пару секунд.

— И это ты называешь добротой? — тихо спросил он. — Что же ты будешь делать дальше?

Шэнь Юань не понял смысла сказанного и вопросительно склонил голову набок.

Сицзэ не стал ничего объяснять, лишь поднял руку, словно собираясь коснуться его волос, но на мгновение замер на полпути и все же опустил ладонь.

Пойдем, — произнес он тем же ровным голосом. — Перекусим.

Шэнь Юань тихонько произнес давай и послушно последовал за Сицзэ из ниши. У самого выхода он не удержался и бросил прощальный взгляд на собственные полотна.

Четыре картины висели на белой стене, ярко освещенные прожекторами. Среди солидных полотен британских классиков они выглядели юными, живыми и немного дерзкими.

Совсем как он сам.

В этом выставочном зале, полном почтенных английских аристократов, в белой рубашке и кедах, шагая рядом с женщиной по фамилии Лестер — чужеродный элемент, но почему-то сидевший как влитой.

Шэнь Юань отвел взгляд и быстрым шагом нагнал Сицзэ.

Поравнявшись с ним, он случайно задел тыльную сторону ладони женщины своей рукой.

Ни один из них не шелохнулся.

Так они и шли по глубокому ковру, соприкасаясь тыльными сторонами ладоней.

И ни один не отстранился первым.

Глава 13. Защита своих

Во второй половине выставки гости переместились из выставочного зала в гостиную виллы.

Посетители с бокалами в руках объединились в небольшие группы, гул голосов стал чуть громче, но по-прежнему сохранял изысканность, свойственную высшему свету.

Шэнь Юань с бокалом сока в руке стоял подле Сицзэ.

Алкоголя он не пил, и Сицзэ заказал для него фруктовый сок, отдельно попросив официанта не добавлять лед.

Шэнь Юань прижимал стакан к груди, маленькими глотками потягивая напиток и с любопытством озираясь по сторонам.

Все здесь казалось ему внове, словно он попал в живой, интерактивный музей.

Сицзэ о чем-то беседовал с пожилым седовласым джентльменом — Шэнь Юань не слишком улавливал суть разговора, судя по всему, речь шла о каких-то трастовых фондах.

Он послушно стоял рядом, тихий и смирный, напоминая домашнего котенка, которого хозяин впервые вывел в свет.

Время от времени проходящие мимо люди бросали на Шэнь Юаня любопытные взгляды.

К таким взглядам Шэнь Юань уже привык.

С самого момента появления на вилле он знал, что совершенно не вписывается в здешнюю обстановку.

Впрочем, поскольку во взглядах окружающих не читалось никакой враждебности, его это мало волновало.

Пока не появились они.

Это были две дамы средних лет в изысканных нарядах: одна в шелковом платье цвета шампанского, другая — в длинном туалете глубокого фиолетового оттенка.

<http://bllate.org/book/25586/3051651>